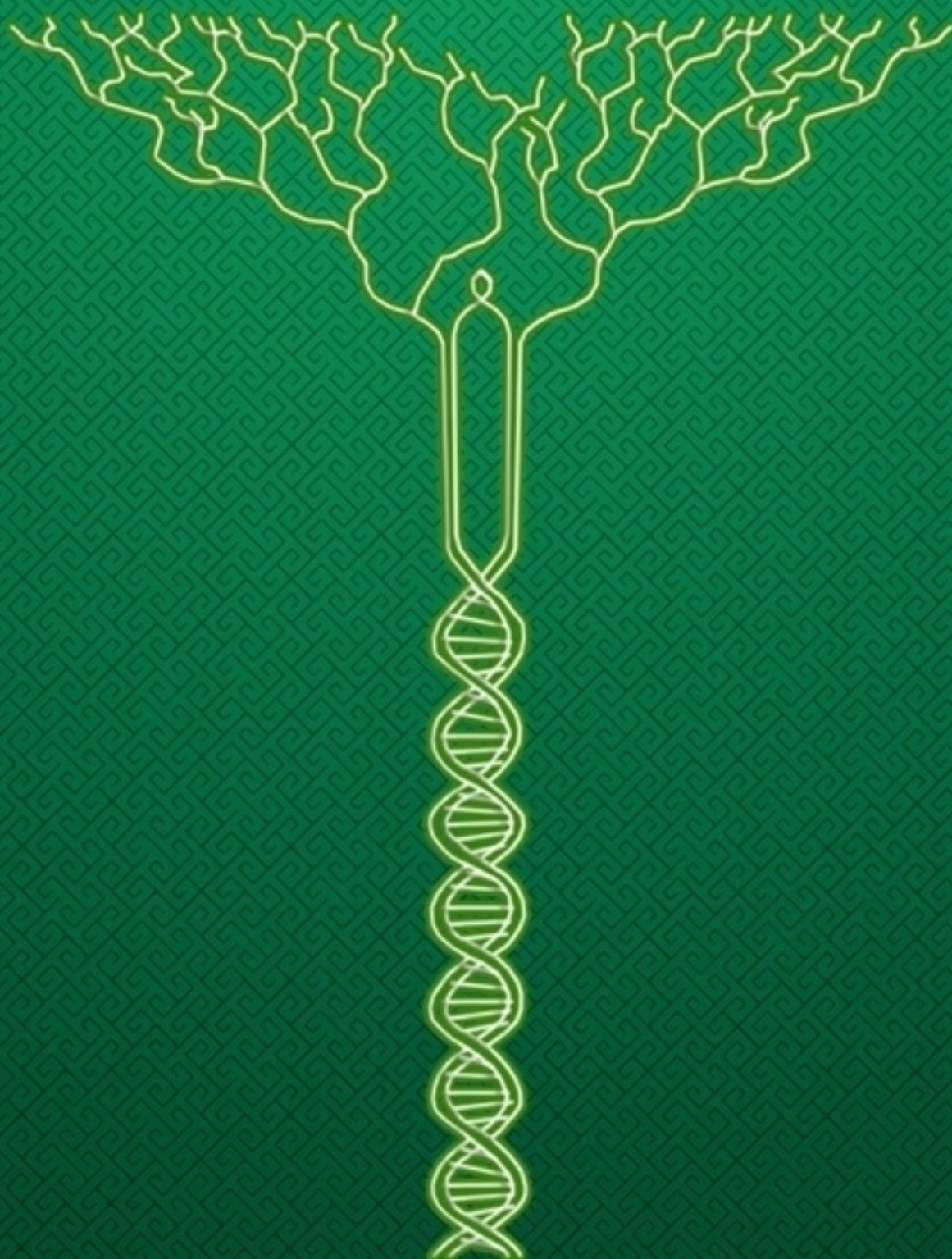

Записки с дерева

Владимир Портнов
Записки с дерева (сборник)

«Автор»

2014

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Портнов В. В.

Записки с дерева (сборник) / В. В. Портнов — «Автор», 2014

В книге собраны рассказы моей бабушки Марии о жизни в деревне во времена Великой Отечественной войны. Также представлены циклы статей по мотивам книг: Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения», и Даниила Андреева «Роза Мира».

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Портнов В. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Дорогой читатель!	6
Бабушкины рассказы	7
Моя семья в Великую Отечественную войну	7
Мамино детство	9
Туфли и портфель к первому сентября	12
Деревня Возжаи	13
Колхозное хозяйство в Новых Возжаях	15
Лён	17
Возжаев Сергей Селивёрстович	19
Лёня и Орлик	21
Кошунство и Молитва	23
Схватки	24
Саша	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Викторович Портнов

Записки с дерева

© В. Портнов, 2014

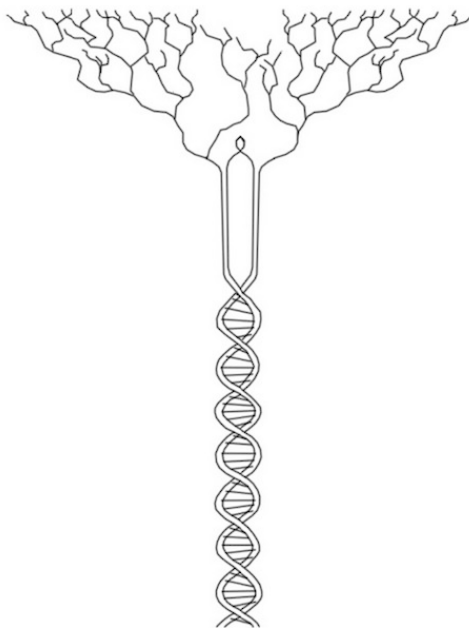
Дорогой читатель!

В сборник, который сейчас у тебя в руках, вошли рассказы о моей семье. Они были получены путем интервьюирования тех из родственников, кто жив и хранит память о моих дедах, прадедах и даже прапрадедах.

Страницы книги содержат картины минувших дней, которые переносят в эпоху СССР. История великой страны сквозь историю судеб отдельных её граждан. Близкие мне люди жили, готовили пищу, рожали детей, сражались за Родину, строили дома, искали счастье, заботились друг о друге, любили. Своим трудом и жизнями они сделали возможным мое рождение. Их ежедневные незаметные для огромной страны усилия стали весомым вкладом в мое развитие и нравственное воспитание.

И сегодня я, как их кровный потомок, пребывая практически на самой вершине своего родового древа, делаю эти значимые для меня записи, дабы сохранить память рода, память о моей дорогой бабушке. Чтобы истории их жизней не канули в вечность. Чтобы их интересный опыт и воспоминания о деревне первой половины XX века, рассказы о Великой Отечественной дополнили общую копилку памяти народа.

Бабушкины рассказы

Моя семья в Великую Отечественную войну

Война коснулась всех нас.

И моих близких не обошла стороной: погубила прадедов, их детей. А тех, кого оставила в живых, приговорила к тяжёлым работам в тылу.

Так, в начале войны в 1941 г. на фронт взяли моего прадеда Бушуева Якова Николаевича. Вскоре, во время одного сражения, он был контужен в голову. После лечения в госпитале его комиссовали, и до конца войны прадед работал в тылу. Но из-за контузии прожил недолго, у него случилось внутримозговое кровоизлияние.

Другой мой прадед Возжаев Сергей Селивёрстович до 1943 г. был председателем колхоза в деревне Возжаи Фалёнского района (в 25 км от Фалёнок) Кировской области. Он был единственным человеком в деревне, кто умел обращаться с трактором, хорошо владел кузнечным мастерством, поэтому его долго не брали на фронт. Призвали же в 1943 г. в возрасте 32 лет, оставив его жену одну с пятью детьми. Погиб Сергей Селивёрстович на Курской Дуге, Был похоронен в братской могиле, его имя запечатлено на обелиске в городе Старый Оскол.

Очень трудно приходилось и тем, кто находился в тылу. Многое запланированное в мирное время, оказалось не выполнимым из-за войны. К примеру, из нескольких деревень (в том числе и Возжаи) хотели сделать одно большое село. Но только и успели жители этого нового села построить «временные» дома, и не обжившись, стали сражаться за победу: кто в тылу, кто на фронте.

До войны, ещё в деревне Возжаи у прабабушки с прадедушкой имелось зажиточное хозяйство (несколько лошадей, корова...) и хороший дом. А в новом селе только эти «временные» дома.

Моя бабушка Портнова Мария Сергеевна рассказывает, что их было пятеро детей, самый младший умер сразу, как только началась война. Работать им приходилось много (без выходных, иначе судили и объявляли «врагом народа»). Пахали на быках, т. к. всех лошадей забрали

на фронт, доили коров, вязали варежки и носки, очень много получали зерна... Вообще, всего получали очень много, и всё тут же отправляли на фронт, практически ничего не оставляя себе.

От тяжёлого труда умерла моя прабабушка. Но больше на её состоянии сказалось известие о смерти мужа Сергея Возжаева. Он был замечательным человеком, а война унесла много хороших людей. И эти жертвы мы будем помнить вечно.

Мамино детство

В одном лесном посёлке, под названием Опарино, расположенном на севере Вятской губернии, жила была простая русская семья: мама, папа, дочка-лапочка, и сынишка младшенький.

– А почему всего два ребёнка, вроде же две дочери в семье родилось?

– Нет, пока ещё была одна. Девочка была светленькая, очень любопытная, любознательная, со всеми ей хотелось познакомиться. Её кучерявые волосы из кольца в кольцо были белы словно пух, оттого и звали девочку Пушинкой. А глаза у девочки были голубые и губки бантиком.

– Вы, наверное, немка? Белокурая, с голубыми глазами...

– Ходила она в садик, как и все малые дети. В садике больше всего ей нравилось гулять и качаться на качелях. Казалось, как будто она задевает ногами облака, когда её раскачивали особенно сильно, то от восторга замирало сердце.

Ещё у неё имелось одно заветное место – около детского сада росла старая ирга – высокая и вся в ягодах. Летом Пушинка и ещё две девочки из её группы бегали вокруг этой ирги и как птички пощипывали с неё ягоды. Залезут на дерево, спрячутся на нём от воспитательницы, и тихонько сидят. Конечно же, взрослые их потом за это наказывали – ставили в угол.

Пушинке нравился тихий час. Днём группа играла в кубики и куклы, а когда наступал тихий час, в комнате, где днём играли, расставляли в несколько рядов раскладные деревянные кровати. Затем дежурные ходили вместе с нянечкой и носили для каждой постели свою наволочку, в которой находилось постельное бельё. Каждый знал свою наволочку, потому что на ней имелась вышивка.

Например, у Пушинки был вышит мишка. У кого-то был вышит цветочек или ёлочка.

Когда же Пушинка оказывалась дежурной, то она старалась положить свою наволочку поближе к стеллажу с игрушками, и потом весь тихий час играла в игрушки.

А ещё, лёжа в постели, она не умела переворачиваться с боку на бок, как все обычные люди. И если ей нужно было перевернуться с правого бока на левый, то она вставала, и затем перекадывалась в другую сторону головой. И там где прежде находились ноги – теперь лежала голова – таким необычным образом Пушинка переворачивалась на другой бок.

– Вот значит как: замечательная девочка, которая не умела переворачиваться на бок.

– В подготовительной группе садика был живой уголок: главным достоянием которого являлась белка, жившая в клетке и по временам бегающая в колесе. Её кормили орешками.

– «А орешки не простые...»

– Нет, ей давали кедровые орешки, которые она очень ловко раскалывала и скорлупу выбрасывала прямо за решётку.

Также в живом уголке обитала черепаха. Детям её разрешали брать с собой на прогулку. Черепаха очень любила капустный лист. Когда его клали от неё подальше, то она обязательно до него добиралась, чтобы затем начать жевать заветную добычу. За всем хозяйством ухаживали сами дети. Вот так продолжалось детство до самой школы. А когда настало время выпуска в школу, то каждому ребёнку подарили по большому ранцу со всеми учебными принадлежностями: пенал с красками и карандашами, тетради и дневник.

И вот пришла осень, отправилась девочка в первый класс. Школа была старая, военных построек, двухэтажная. Классы в ней оборудовались большие, потому что детей в них училось по многу: 35 человек в каждом.

Звонок подавала тётя Нюра, которая жила в этом же здании на первом этаже и работала уборщицей, наливала кипяченую воду в бачок для тех, кто хотел пить. А когда урок заканчи-

вался, тётя Нюра проходила по коридору с колокольчиком, таким же, как у коров, и звенела им, оповещая всех тем самым о перемене.

Учащиеся тут же высыпали в коридор, бегали, прыгали, скакали на скакалках. Мальчики, конечно же, играли во что-то более грубое, чем девочки: садились друг другу на «закрошки» и сбивали соперников. В общем, во время перемены в коридоре царил полный хаос.

Однако и учителей раньше слушались. Первой учительницей была Анна Петровна Соколова. Училась Пушкинка прилежно, все дисциплины ей давались хорошо, она всё быстро запоминала и схватывала материал на лету.

Но вот однажды произошёл такой случай, когда на уроке математики проходили сантиметры и метры, и на дом задали нарисовать на достаточно большом листе картона, или обоев обычный метр в натуральную величину. И Пушкинка это задание к назначенному дню не выполнила. Когда же её спросили, как она выполнила урок, то Пушкинка соврала, сказав: что забыла работу дома. Тогда Анна Петровна попросила Пушкинку сходить за «метром» домой. И так как школа от дома располагалась совсем недалеко – в квартале, то Пушкинка скорее побежала домой, схватила кусок обоев, и наспех начертила урок – как-то же нужно было изворачиваться.

Но Анну Петровну не проведёшь, она посмотрела, и сказала: *«это ты сделала только что – тут неровно и неправильно всё нарисовано»*, – и поставила двойку. Это конечно была большая досада.

– Плакала, наверное?

– Конечно, плакала – не хочется же быть хуже других.

Но потом когда Пушкинка вернулась из школы домой, то нарисовала урок по-хорошему: со всеми причитающимися сантиметрами, дециметрами, заканчивая целым метром – вот тогда ей уже исправили оценку.

Парты в классе были старинные: крышки парт покрашены в зелёный цвет, а скамьи с партами являли единое целое. Перед началом урока, садились за парту, откидывая её крышку, ставя в специальную нишу портфель, из портфеля на парту доставали всё необходимое для предстоящего урока, а затем опускали крышку.

Ещё в первом классе специально на партах стояли чернильницы, поскольку учились писать пером, на уроке, называемом «чистописанием». Для этого урока использовали особые тетради, разлинованный под углом в 45°. И при помощи этой разлиновки отработывали каллиграфический подчерк, выводя правильные буквы, с определённым наклоном и толщиной – в местах закругления буква должны быть потолще.

Полгода обучали чистописанию: начиная с палочек, точек, закорючек, и заканчивая буквами, слогами и целыми словами. Между прочим, это довольно трудно – овладеть перьевым письмом, потому что нередко выходили кляксы, и поэтому постоянно следовало помнить об использовании промокашек во время чистописания.

Когда научились писать пером, только тогда уже со второго класса разрешили пользоваться шариковыми ручками.

– То есть шариковые ручки в то время уже были?

– Были, но пером писали специально, чтобы выработать каллиграфический подчерк.

Зимой построили около школы большую-пребольшую горку. После уроков, перед тем как уйти домой, все залазили на эту горку, и гурьбой на портфелях съезжали: *«эй сторонись!»* – только успевали крикнуть, но конечно никто не уступал, и получалась куча-мала. Домой приходили все в снежных катышках, ставили валенки на печку, штаны туда же – сушиться... Ещё дети любили «мерять сугробы»: уходили в самую толщу снега на каком-нибудь поле или огороде, и затем лепили там окопы. Катались на лыжах, ходили на медвежью гору – медвежья гора возвышалась за железнодорожной линией.

Но вот однажды, в классе пятом, Пушкинка и её подружки решили к новому году срубить по ёлке. И после школы собрались на лыжах идти за маленькими деревьями: взяли топоры,

верёвку, путь предстоял неблизкий. И поэтому когда дошли до медвежьей горы, уже стемнело. Когда же с добычей выходили обратно из леса, было совсем темно и жутко, и вдалеке в посёлке уже горели огни. Но по ёлке всё-таки однобокой срубили. Елки были неказистые, но куда деваться – принесли, поставили дома, зато всё сами сумели, совсем как взрослые подготовились к новомуднему празднику.

Январь 2013

Туфли и портфель к первому сентября

Во времена Великой Отечественной войны, из-за того, что практически всех взрослых мужчин призвали на фронт, тяжёлые сельскохозяйственные работы целиком легли на плечи женщин и детей.

Нас (вспоминает моя бабушка о времени, когда ей было около семи лет), малолетних ребят, посылали сначала на поле, а затем отправляли на «ток» – так назывался процесс молотбы зерна, когда снопы клались под молотилку, при помощи которой извлекалось из колосьев зерно. Сезон сбора урожая, обработки зерна был самым напряжённым: днём работали на поле, а ночью молотили, и затем всё получившееся зерно отправляли на фронт, и никаких тебе выходных и отпусков в военную пору не давали.

Мне тогда стукнуло как раз семь лет, и в сентябре я готовилась пойти в первый класс. В самый последний день перед учёбой мама попросила меня унести сестре яиц и масла, которая жила в соседнем Васильевском посёлке. А бригадир в ответ запротестовал: *«Трудодни скоистишь – врагом народа станешь!»*. Получается, что даже в последний день перед школой не полагалось нам отдыхать.

Но всё-таки я отпросилась, и отправилась к сестре напрямик через лес, разделявший наше и сестринское поселения. Точно не скажу, сколь лесная дорога была длинна, «чёрт говорят мерил, да верёвка порвалась», но предположительно расстояние в восемнадцать – двадцать километров, а может и больше.

Побежала, я одна, значит, через лес, и днём-то вперёд хорошо, но когда обратно вечером... Сестра говорит: *«Ты не ходи, ночуй»*, а я ей: *«Ой, нет. Коля (старший брат) обещал сегодня к нам домой навеститься, и принести мне туфли с портфелем»*. А иначе ведь с сумкой «холщаной» пришлось бы на учёбу идти. Так что на ночь у сестры я не осталась, а сорвалась в обратный путь.

Темно вечером, только зашла в «волок» (лес), и тут же «тетеревуха» (такая птица большая) как хлопает крыльями. А я как испугаюсь, да и побегу без оглядки, а кругом одни волока – тёмные глухие леса... В итоге весь путь без единой остановки пробежала.

Домой вернулась уже ночью. Мама как запричетаёт: *«Да ты чего, с ума сошла – ночью по лесу одна?»* И я тоже реву в ответ и спрашиваю: *«Да! А Коля-то пришёл?»* А он в это время спрятался, чтобы мне сюрприз сделать. Мама говорит: *«Видишь, и Коля не пришёл, и ты прибежала ночью – зачем было так рисковать?»*. А я настырно: *«Нет, он всё равно должен прийти, обещал мне туфли и портфель купить»*.

Он потом выходит, портфель выносит, и туфельки маленькие, чёрненькие. Но во время примерки выяснилось, что они мне малы – не было, говорит, другого размера (в войну ведь плохо с ассортиментом обстояло). И я потом эти туфли водой размачивала, что только с ними не делала! Но в итоге, всё равно их надела, и на первое сентября пришла с новым портфелем и в новеньких туфельках.

Деревня Возжаи

Все окрестные деревни у нас назывались по фамилиям проживавших в них родов. Так, к примеру, соседняя деревня звалась Воробьи, и в ней в основном жили Воробьевы. Следующая на три километра, отстоящая от нашей деревни, именовалась Махни, и в ней соответственно в большинстве почивали Махнёвы. А если смотреть в противоположную сторону – там уже деревня Катай стояла, и в ней все были Катаевы, а ещё дальше Заболотины, ну а других деревень сегодня и не вспомню.

А наша деревня Возжаи была большая, да и на таком красивом месте построена. Её населяли не только Возжаевы, но и Миклины и Егорины.

– Что из себя представляла деревня Возжаи, – она была чем-то вроде родового поселения?

– Раньше, видишь, не уезжали никуда. К примеру, если у отца были сыновья, то когда женился первый сын, избу тому выстраивали по соседству с отчим домом, а затем, когда обзаводился семьёй второй, ему рядом с первым сыном ставили дом. Так и разрастался целый род в одной деревне, и жили все вместе, никуда не уезжали...

Об этой деревне я сохранила немного воспоминаний, поскольку была ещё совсем маленькой. Там у бабушки с дедушкой в хозяйстве водился петух с золотистым оперением и очень красивым хвостом. Но у этого петуха имелся один огромный недостаток: он часто задибался, и клевался. И вот однажды по весне, когда бабушка пошла в погреб, раньше ведь не было холодильников, а в погреб ещё зимой снега побольше набрасывали, и на земле от этого образовывалась корка льда, и целое лето потом в погребе сохранялся холод, так что в нём хранили весь скоропортящийся провиант. Отправилась, значит, бабушка в погреб, и я за ней следом. И у самого входа в погреб подкараулил меня золотистый петух, и вдруг ни с того, ни с сего, как заскочит мне на голову, да и клюнет прямо в лоб. Бабушка, увидев такое, сразу схватила петуха, и отрубила ему голову, а потом суп сварила.

А картошку знаешь, как сажали? С большими расстояниями между бороздами и большими кучками огребали. Затем по осени собирали урожай, и выкапывали картофелины невероятно большие. Носила, помню, их в подмышках, помогала складывать в подполье...

Но вот вздумали перед самой войной, не знали ведь, что она начнётся, близлежащие деревни (домов по 25–30 каждая), в том числе и нашу, объединять в одно село. Первыми в это село принялись перевозить семьи из Возжаёв, и успели только 15 домов выстроить, как на второй год грянула война. Толком в новой деревне ничего не успели сделать, а село из неё и подавно не сформировали, так как остальные деревни в военное время перевозить не стали.

– Это что же, за один предвоенный год в Новых Возжах умудрились аж 15 домов поставить?

– Так ведь раньше как строили: вначале один дом «всем миром», потом сразу за соседний принимались. И так все друг другу помогали, тем более многие приходились роднёй, и деревня быстро разрасталась. Печи делали из глины. Какой-то скарб перевозили с прежнего поселения, и на новом месте тут же начинали самодельно обзаводиться недостающей утварью и мебелью. Новые Возжаи таким образом образовались из прежних за пару лет перед Великой Отечественной.

Правда, сейчас на том месте, где деревня Возжаи была, никаких домов не сохранилось. Спустя пару десятилетий, когда замуж вышла, и дети маленькие подрастали, с мужем решили навеститься на мою малую родину, да только заехать не смогли на то место, где некогда деревня стояла – всё травой да подростом заросло.

Возжаи находились между Фолёнками и Кировом, приблизительно за Макаровщиной, в которой располагался сельсовет. Если говорить, как Возжаи относительно Чёрной Холуницы

размещались, то сейчас даже трудно сориентироваться, поскольку раньше дорогу на Чёрную не знала, туда только узкоколейка железнодорожная вела.

Колхозное хозяйство в Новых Возжаях

– Кроме Новых Возжаёв в колхозе состояли другие соседние деревни: Матюги, Махни, Катай...

– Интересное название у деревни – Матюги, особенной бранью прославилась?

– Не знаю – не знаю, деревня была хорошая, большая... А что касается жизнеуклада, то как весна приходила, то все отправлялись пахать и сеять. Летом покосом занимались, а дед у нас ещё и мастерил красивые грабли, и разукрашивал их в яркие цвета: зелёный, голубой и красный. И вот идут все наряженные: одевались всегда на покос нарядно. Идут с песнями, с покоса идут снова с песнями...

– А зачем одевались на покос нарядно, когда там нужно работать, и соответственно усердно потеть, и запачкаться не сложно?

– Ну, всё равно как-то люди нарядно старались одеться, чтобы друг на друга поглядеть... А по осени на «ток» дружно отправлялись. И молотили зерно на специальном приводе – лошади ходят, молотилку крутят. Казус у нас однажды вышел с этой молотилкой. Отправилась одна женщина на «ток», и во время работы, нечаянно зацепилась юбкой за привод молотилки, и юбку эту у неё всю в клочья разорвало, хорошо хоть сама цела осталась. По такому случаю местные рифмоплёты частушку сложили: *«На «гуменник» Настя шла – юбка новая, а с «гуменника» пошла – жопа голая»*. Хотя опять в войну юбку порвёшь, а взамен-то и надеть ничего – и смех и грех.

– А далеко ли от вашей деревни находился колхоз, и что он вообще из себя представлял?

– Колхозом являлись все наши шесть деревень вместе взятые, штаб которого располагался в Возжаях, и назывался «Конторой». А отец мой был председателем сельсовета, то есть председательствовал над всеми этими деревнями. А ещё он на гармошке играл, и мама пела очень хорошо, отчего под окнами нашего дома всегда «сходбища» да танцы устраивались...

– И вот, значит, подходила весна, наступало время пахать, сеять. Но где же располагались колхозные поля, на которых всем следовало трудиться? Поля в каждой деревне были свои, или...

– У каждого дома имелся свой огород, а у каждой деревни большие поля, которые целиком засеивали, а по логам косили траву. Над деревней назначался ответственный бригадир. Например, утром соберётся рабочий люд на «разрядку», план составят: там – пахать, там – сеять, всё это распределят, а бригадир потом в конце дня меряет: кто и как потрудился. У бригадира мера деревянная имелась, ею он всё обмерял, а после записывал заработки. Но только в войну трудились за палочки, никому никаких зарплат не давали.

– За палочки?

– Да, палочка – это чёрточка в журнале, означающая, что ты отработал день. И никаких тебе вознаграждений. Всё ведь для фронта делали, хлеб и налоги собирали: держишь ты, не держишь скота, а масло должен сдать, яйца и шерсть, или вот варежки, носки связать, и всё это на фронт отправить.

Всех лошадей также забрали на войну, работали мы на быках! Ой, быки они такие... Им в ноздри вставляли кольцо, когда быка за кольцо возьмёшь, то он хоть сколько-то начинает слушаться. А если не окольцован, то куда захотел, туда и «тащит». Какая муха только укусит быка – хвост задерёт, и понесётся в лес, и всё на свете по пути пообломает.

Зимой возили навоз на быках. Едем по двору, осью телеги столбы считая, так что на всю улицу трескотня стоит. Бык ведь он неповоротливый, прёт по прямой и всё тут, а бывало и телегу опрокинет. Беда с этими быками. Но потом нам в колхоз трактор дали. Ой, когда трактор шёл по деревне, то все бабы, мужики, дети выбегали на улицу, чтобы на трактор посмотреть.

Ты что: *«тракторы идут!»* А ещё через какое-то время нам в колхоз двигатель поставили для молотилки, которая от него в движение приводилась. И с машинами уже попроще стало жить.

Правда, вскоре из деревень люди уезжать вздумали. К концу войны уже все-все разъехались по совхозам – это те же колхозы, только там деньги выплачивали, а в колхозах за работу ничего не выдавали. Один совхоз «8-е Марта» был организован за Фолёнками, много туда ушло народу.

Лён

Весной лён сеяли, под осень он созрел, затем его жали, то есть рвали, а рвать приходилось без перчаток, отчего руки оставались в занозах и царапинах, и после колосья льна формировали в снопы. Снопы представляли собой охапки колосьев, завязанных ремнём, сделанным из тех же колосьев льна. Позже полученные снопы составляли в так называемые бабки, и оставляли на поле в скирдах под снегом зимовать.

Следующей весной лён растаскивали из бабок, и расстилали на траву. Точнее сказать вначале выкашивали траву, заготавливая её на сено скоту, а на выкошенные места стелили лён. Он до осени лежал-сох, а на зиму его снова собирали, и увозили в гуменники – такие постройки с крышами, где уже непосредственно лён обрабатывали. Сначала снопы обколачивали, отделяя зёрна от остальной части растения, которую затем пучками клали на специальные мялки, и разминали, получая кудель. Полученную кудель пряли...

Как лён обрабатывают механически сегодня:

«В фармацевтической промышленности и медицине используют семена льна обыкновенного (Semen Uni), которые заготавливают как побочное сырьё при заготовке сухой травы льна, используемой для переработки на волокно. Для этого траву льна-долгуница и льна-межеумка собирают в фазе желтой зрелости стеблей. Техника сбора льна на волокно механизирована. Машины вырывают растение из грунта, после чего вяжут снопы, и просушивают. Высушенную траву обмолачивают для отделения семян. Обмолоченные семена дополнительно просушивают на солнце, и хранят в сухом месте. Качественные семена должны тонуть в холодной воде, и быстро становятся скользкими в теплой воде. Семена льна являются официальным сырьём в России, Украине, Польше, Чехии, Германии, Франции, Швеции и других странах Европы».

Хлеба в войну не давали, и голод порой совсем прижимал. В разное время по-разному удавалось его утолять, но вот весной, когда ещё в лесу снег не стаял, повадились женщины с наших деревень против распоряжений начальства украдкой по насту ходить на поле, колотить куколь – лён значит, то есть обколачивать колосья льна, добывая питательные зёрна. А поле было в двух километрах от деревни, и между ними лес.

И вот однажды, когда моя мама и другие деревенские женщины отправились по весне лён колотить, их работающих на поле услышали волки. А в войну волков развелось очень много, потому что они сбегались с территорий, где шла война, так как фашисты за собой сжигали леса, и оттуда зверьё спасалось на восток, в районы Поволжья, в том числе и на Приволжскую возвышенность, на нашу вятскую землю.

Когда много людей, волки принимаются сначала выть, и вой этот слышали наши матери, и побежали со всех ног обратно в деревню, так что весь куколь с очистками на поле оставили. (Данный куколь с семенами и очистками высыпали на специальные сеялки, и начинали тихонечко встряхивать, так что весь сор, он был очень лёгкий, сдувался ветром. И в результате, оставалось одно семя, которое затем мололи на жерновах, получая муку).

Волки завыли, женщины бросились бежать. А брат мой Лёня на три года постарше, рано забегал на охоту. И он, услышав женские крики и волчий вой, побежал навстречу спасающимся. И когда стал палить из ружья, то волки нисколько даже не испугались. И порой они до того нагтели, что приходили к самым деревням, даже во дворы залазили, и скот крали. Волки почти как собаки, только несколько здоровее, и у собак хвост завивается, а у волков он по земле волочится.

Так или иначе, все спаслись, но сильно перепугались, и в придачу начальство узнало, что женщины ходили лён колотить. А это тогда считалось противозаконно, поскольку лён на фронт отправляли. Правда, начальство оказалось сочувствующим, и никого «репрессировать» не стало.

Всё же мама со своей рискованной вылазки принесла сколько-то семян, которые затем перемололи на жерновах, получив отличную крупу. После полученную крупу варили и ели. Делали вкуснейшее искристое льняное масло. А когда война закончилась, то и хлеб появился, и стали уже льняное масло с хлебом есть.

Небольшая история льна в России с красивым описанием цветения растения:

«Сказочно красив лен, когда он цветет. Поле становится голубым. Голубые, синеватые, реже фиолетовые, розовые или белые цветки собраны в кисти. Крупные (15–20 мм в диаметре), правильной формы раскачиваются они на длинных цветоножках. Однако эту сказку можно увидеть только утром. Нежные цветки раскрываются с рассветом, а к полудню с наступлением жары снова складываются или осыпаются на землю голубыми снежинками. С 1 га посевов пчелы могут собрать до 15 кг меда...»

Механизация обработки льна давалась очень тяжело. Многие страны развивали, а затем сворачивали производство льна. Наполеон I объявил конкурс с премией в миллион франков тому, кто разработает процесс получения тонкой пряжи механическим способом и тем самым избавит Францию от ввоза текстильного сырья. Крупный ученый химик Гей-Люссак и механик Ф. Жирар решили эту задачу, совершив переворот в производстве льняных тканей. Однако этот способ был изобретен уже после падения Наполеона. Так как это изобретение было связано с наполеоновскими замыслами, на родине его авторов оно не сразу получило признание. Жирар был вынужден искать применение ему за границей. По предложению Александра I он основал в России, в Привислинском крае первую в России и в мире механическую полотняную фабрику, из которой впоследствии выросла знаменитая Жирардовская мануфактура.

Машинное прядение утроило производительность труда по сравнению с самопрядкой. Необычайно вырос спрос на лен, прежде всего русский, в Великобритании. Уже в 1837 г. импорт льна из России в Великобританию превышал 1,7 млн пудов и доля России в общем ввозе льна в эту страну достигала 70 %. Еще через 10 лет лен стал основной статьей русского экспорта, а Россия – главным поставщиком его не только в Великобританию, но и во все другие западноевропейские страны с развитой льноперерабатывающей промышленностью. Во внутреннем потреблении лен в России занимал тогда первое место после хлеба.

Еще большего размаха достигло льноводство с развитием капитализма в России. Лен выращивали на обширной территории страны, и в больших количествах вывозили за границу не только волокно, веревку, канаты, но также семена и масло, получая свыше 30 % всей экспортной выручки.

Несколько раз появление новых, проще обработанных волокон (хлопчатобумажных, вискозных и синтетических), казалось, ставило льнопроизводство на грань катастрофы. Но производство льняных тканей сохранилось, причем сочетание льна с новыми волокнами позволило обеспечить высокие потребительские свойства тканей...»

Возжаев Сергей Селивёрстович

– Во времена Великой Отечественной работать в колхозе приходилось каждый день, никаких выходных не полагалось. Так называемые выходные давались, только когда выпадал дождливый день, тогда отпускали в лес по грибы и ягоды.

А когда время подходило к сбору урожая – осенью, то вообще днём и ночью молотили. Летом же и в другие сезоны круглосуточно не работали: только с утра, часов, наверное, с семи и до шести вечера.

– И потом домой приходили уставшими, и уже ни на что сил не оставалось?

– А домашними-то делами когда заниматься? Дома же скот держали, и он не кормлен. Поэтому приходили с поля, и за домашнее хозяйство принимались: собственные огороды большие были, на которых «для себя» садили, зерно сеяли: рожь, овёс, а затем жали их. А для домашнего скота косить удавалось уже только глубокой ночью.

И я маленькая была, старшим в хозяйстве помогала. Дети тогда уже всё делали. Дедушка мне смастерил детскую литовку с коротким черенком, и: «*коси*», – говорит; а потом серпом жать научил. Вон у меня так и остался след – порезала палец серпом.

Также я ходила на речку, стирать пелёнки. Стирали раньше без всяких порошков, бельё специальным вальком колотили. Поколотишь вальком, пополощешь, потом снова поколотишь, и всё отстирывалось, никакого мыла не знали. Стирали-то, знаешь чем – золу замачивали в воде, и в этой «золяной» воде отбеливали. Отец у меня любил чистые портяночки носить, председателем как-никак был. Он мне маленькой наказ давал: «*Манька, чтоб беленькие портяночки были*». Весной на наст их расстилали, и те выбеливались.

Деда звали Селивёрст Павлович (для моей бабушки он дед, а для меня уже прапрадед) – он не занимал должности председателя колхоза, зато был очень мастеровым, инвентарь мастерил для колхоза: грабли и прочее. И к себе в дом, в хозяйство вырезал немало уникальных вещей: у нас буфет красивый резной стоял, сейчас у брата в избе находится.

А вот отец (мой прадед) Сергей Селивёрстович, ещё деятельнее и дальше деда пошёл, всё-всё умел: и по железу и по дереву работы выполнял. И был он весьма занятым человеком, так как его председателем назначили над шестью деревнями. Поэтому отец на велосипеде ездил, чтобы по деревням поспевать перемещаться, и держаться в курсе всех событий, а иногда и меня катал по деревне. Велосипед в те времена мало у кого имелся, и большой диковиной являлся, а отцу он был просто необходим.

Но вот война началась, и Сергей Селивёрстович под призыв попал, так с гармошкой и ушёл на фронт. Матери сказал: «*Всё равно только, глядя на гармошку, будешь обо мне вспоминать, и пище реветь*», – вот и забрал этот музыкальный инструмент – предмет былых счастливых дней – «*Я, говорит, всё равно не вернусь*».

– Чего же он сразу так пессимистично настроился?

– Так потому что когда его призвали, уже из-за недостатка людей на фронте, забирали всех поголовно, и даже без должного обучения военному ремеслу, сразу бросали на передовую. Чего они не обученные-то могли противопоставить немецкой муштре, кроме своего геройского и отчаянного порыва? На Курской дуге ведь ещё поэтому мясорубка настоящая случилась... Ну ничего, мама нас пятерых, считай, вырастила. И отец только ушёл, недолго провоевав, погиб в 43-м под Курской дугой на 37 году жизни, а матери было на тот момент 36 лет, она с 1907-го года рождения, а умерла в 54 года. И вот нас пятеро на её и без того ссутулившиеся от горя плечи свалилось...

Ещё при жизни отца, помимо того, что он председателем работал, вдобавок лучшим техником во всём колхозе слыл – единственный разбирался в двигателе молотилки, никто больше

не умел. А потом уже мой брат, по стопам отца пошёл, и, будучи ещё пацанёнком, выучился работать на двигателе.

– А кто этот брат?

– Лёня, самый старший из нас, и он, если так можно сказать, был лучше всех. Но умер очень рано в 27 лет. Отслужил в Армии, потом женился и жил в Красноярске. У него дочь есть Аня, сейчас в Москве живёт. А сам Лёня вот как умер. У него выдался отпуск, и отпуском уже заканчивался, буквально один день оставался до завершения. И пришёл к нему сосед в гости, а дело происходило глубокой осенью. Сосед стал уговаривать Лёню, сходить вместе на охоту. А Люба, жена Леонида начала вразумлять мужа, говорит, ну куда вы пойдёте? До места не дойдёте вовремя – до своих охотничьих домиков, так как осенью стемнеет рано, и придётся вам спать на голой земле, отчего и простыть недолго. Но сосед всё же настоял на своём, и уговорил Лёню отправиться на охоту.

И вот значит, пошли они в лес, но до охотничьих домиков для ночёвки так и не добрались засветло. А в то лето, нужно сказать, в тех красноярских местах наводнение приключилось, отчего даже траву не косили, вот, сколько осадков выпало, и сколь земля была сырая, не успев за лето просохнуть. И потому ночлег пришлось устраивать на сырой земле, набросав поверх веток и листьев, и на этом спать. За ночь простыв, на следующий день Лёня заболел, как потом сказали врачи менингитом от переохлаждения мозжечка, да так сильно заболел, что с каждым часом его самочувствие резко ухудшалось. Лёню госпитализировали, в больнице он пролежал ещё три дня, и 22-го ноября скончался, не приходя в сознание. Оставив маленькую Аню – свою дочь без отца, которой буквально через месяц, десятого декабря, исполнился годик.

Лёня и Орлик

Однажды с братом Лёней был такой случай. Сам он с 31-го года рождения, а тогда ему только 15 лет исполнилось, и отправили его возить лес. Мама по этому поводу расстраивалась: *«подросток ведь, и лошадь какую непослушную дали»*. А лошадь эту звали Орлик. Конь ни кому не подчинялся – брыкался, да лягался. Такой был ленивый, а точнее сказать, строптивый. На глаза Орлику к узде даже шоры прицепили, чтобы только вперёд смотрел, и не видел, как сзади подгоняют.

Поначалу Лёня Орлика хотел выдрессировать стандартными приёмами: как хлестнёт за непослушание, а конь в ответ лишь лягается, и дальше стоит словно вкопанный. Лёня по другому боку хлестнёт, а лошадь с места не сдвинется, и копытом по лицу угодить норовит. Только Лёне стало жалко скотину почём зря лупить, и решил он не изводиться над животным, а по-человечески с ним поговорить: *«Орлик, так ты когда работать будешь? Всё меня лягать собираешься? Л мне ведь план нужно выполнять – план дан!»*.

«Ну и вот: может, помог разговор, может – нет, но Орлик мой стал такой умник, и безо всяких понуканий принялся трудиться. И сани у меня были специально низенькие, я у них, чтобы не надорваться, палкой тихонечко один конец навалю, затем другой конец навалю, и нагужаю хлыстами. И так постепенно начал план перевыполнять».

А тогда никаких телефонов тем более в деревнях не было. И мама, находясь дома в неведении относительно сына вся испереживалась: *«совсем ещё ребёнка отправили лес воротить»*. Мама не без оснований опасалась, что это ей новоиспечённый председатель колхоза козни строит. Который, когда у неё муж, Сергей Селивёрстович на войне погиб, занял его должность. И стал этот новоявленный председатель тогда за мамой ухлёстывать. А так как кроме него мужчин в деревне не осталось, то и заступиться за маму было некому. Этот председатель со всеми бабами в деревне погуливать повадился, да так, что от него двадцать «выблядков» родилось. А мама у нас председателю не давалась, за что он её невзлюбил и всячески донимал, и в отместку к Лёне предвзято относился.

Мама пробовала отпроситься у председателя, чтобы тот отпустил её хотя бы с подвозкой к сыну. А тот за своё: никуда, говорит, не поедешь – не пропадёт твой сынок. Мама тогда без спроса, она телятницей была, оставила за себя замену, и приехала с подвозкой. Приехала в лагерь близ делянки, а там работники все уже в избе, ужин варят, а Лёни среди них нет. Мама тогда ещё пуще заревела: *«да где у меня Лёня-то?»* Те, кто с ним работал, смеются: *«В лесу он, застрял, наверное, вот и не едет»*.

Мама снова реветь. *«Да не реви – не реви! Он ещё в лесу работает – прямо поедешь, и на сына своего выведешь»*. Мать едет, и душа у неё перевернулась. Ну а Лёня работает и работает, он же не знал, что мать так переживает. И увидел, как она ему навстречу бежит, обняла и от радости заплакала.

Лёня: *«Мама, так ты чего плачешь-то? Я же план тут перевыполняю, посмотри, у меня Орлик как печка. Я его кормлю хорошо, и план перевыполняю, глядишь, тебе ещё зерна на кур останется»*.

Приехала мать домой радёшенька, встала на колени, молится: *«Бог-батюшка, чего это такое-то: сын – план перевыполняет, всё у него хорошо, Шура работает, так хоть бы и отец с фронта пришёл!»*.

Шли ведь тогда многие, несмотря на то, что по ним уже и похоронки приносили, а мужчины всё равно живыми возвращались. И у нас мать всё время ждала мужа, надежду никогда не оставляла, уже когда и дети все большие стали да женатые. И всегда, если какой-то праздник был, собирались вместе, и мама говорила: *«Чтобы отец сейчас зашёл!»*. А отец, когда живой

ещё был, в такие веселья на гармошке любил играть, а мама ему подпевала хорошо, отец на фронт так с гармошкой и ушёл, чтобы мать глядя на гармошку по нему пуще не горевала.

Кошунство и Молитва

– А бывали в твоей жизни какие-нибудь мистические случаи, или например, вдруг ты поняла, что без ангела хранителя не обошлось?

– Слушай ка, тогда ведь Бога не признавали, не верили в него. Так и церкви не было. Вот мама всё и грешит, что именно это неверие отца убило. Так бы может и живым с фронта вернулся.

Когда Сергей Возжаев председателем сельсовета был, ему от вышестоящего начальства поступил приказ: в селе Низево, что в десяти километрах от наших деревень располагалось, где речка текла и на возвышении в сосновом бору церковь стояла рядом с кладбищем, нужно было с той церкви кресты скинуть. Но никто не осмеливался покушаться на церковь. В глубине души ведь каждый понимал, что это кошунство. А приказ нужно было выполнять, и тогда Сергей Возжаев сам полез, сбрасывать кресты с церкви села Низево...

– Ну а были ли такие ситуации, в которых ты почувствовала, что помогли высшие силы?

– Вот когда ходила я в положении, вынашивая, кстати, твоего отца, то очень хотела, чтобы мальчик родился, но сама ещё не знала, кто будет. Загадала себе: *«Если есть Бог на белом свете, пусть сын родится»*. И муж мой это же загадал. В душе ведь всё равно верили. Ну и вот родился у нас сын.

И так мы его оберегали: чуть только приболеет, то Миша, муж мой, сразу выговаривал: *«Только если что случится, так ведь я тебя так и разорву!»* А я-то чем виновата. Однако сильно тогда у нас ребята не болели, лишь немного простужались. И лечения все простые были: ноги в тазике погреть, или баню истопить, компресс натереть тройным одеколоном, банки поставить. И кроме простуд нас тогда ничего не волновало...

Схватки

Сестра у меня работала учётчицей – это по-нынешнему вроде бухгалтера, при отце председателе. Однажды летом сестра забежала домой на обед, а мама ей и кричит: *«Шур, поди-ка позови бабушку, пускай она в баню придёт»* – мама в это время лежала на полке в бане, у неё начались схватки.

Шура сбегала, бабушку позвала, а бабушка-повитуха помогла маме родить.

И вот утром такая картина: мама уже на кухне стряпает, печку топит, кашеварит, нас уже всех кормит, ребёнок на печке ревёт, и в дом бригадир заходит. И спрашивает: *«Ты чего, Петровна, на работу не идёшь?»* Она в ответ: *«Да вон, Анка Ваниха ребёнка принесла. Я посижу денёк, и завтра уже на работу выйду»*, – мама (по отцу Петровна) в данном случае пошутила, что ребёнок соседский от Анки Ванихи. А Ваниха она, потому что в деревнях женщин по мужьям звали. Если муж Иван, то Ваниха, если Сергей, то Сержиха, а Аркаша – Аркашиха. Отец, в доме был, услышав разговор с бригадиром, походатайствовал за жену: *«Пусть хоть два дня дома побудет»*.

Таким образом, мама два дня дома побыла, а на третий уже на работу вышла. И почему-то бутылочек не было для кормления ребёнка. Использовали полый коровий рожок, на который соску надевали.

Молоком поручили меня кормить, я ему налью молока, а ребёнок головкой повернёт, молоко прольёт, и ревёт, и я вместе с ним реву – лет-то мне тогда ещё было. Да и младенец едва родился, ему ведь, по правде говоря, не соска, а титька нужна. Только в то время с этим не считались. Раз молоко есть – то нацеди, и оставь ребёнку. Но отец потом всё равно съездил на велосипеде за мамой, и та накормила младенца.

А отец, тот ещё был артист: повесил для новорождённого люльку на пружине. Нам детям играть охота, мы к люльке верёвку привязали, и через подполье на улицу вывели. Бегаем по полю, верёвку дёргаем, и люльку качаем. До того закачали, что люлька с ребёнком на бок повалилась. Хорошо ещё, отец табуретку под люльку поставил... И вот он с работы приходит, и видит «повалившегося» ребёнка..., сделал нам строгий выговор: *«Больше так не делайте! Возьмите лучшие на улицу его. Пусть он полежит там, а спать захочет, так в люльку обратно уложите. Только не дёргайте больше, а-то опять уроните»*. Но ругать нас не стали, поскольку сами ещё малы были.

А когда я постарше стала, мне в придачу двух соседских девочек двойняшек доверили водиться. Свой маленький, да те – двое. Одна из тех девочек была «седун» – так раньше звали, когда ребёнок в положенном возрасте не начинал ходить. Сидела она, свернув ноги калачиком, и повторяла одну фразу: *«Скоро мама придёт – молока принесёт»*. Ну а вторая уже бегала. Потом говорят, обе эти девочки выросли настоящими красавицами...

Саша

Мне уже семь лет было, когда отец ушёл на фронт. И нас у мамы осталось пятеро: я с сестрой, два брата и трёхмесячный младенец Саша.

А дело было осенью, когда Саше исполнилось три годика. Побежали все ребята на ток, молотить зерно. Я же брата только спать уложила на печку. *(Печки раньше были битые из земли – большие, шире, чем сейчас, в печку даже греться лазили. Зимой, когда страшные морозы наступали, мама нас по одному в печку сажала и мыла голову).*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.